Экз полный
4.7.1985 Егоров

ПЕРВЕНЦЫ СВОБОДЫ

ИСТОРІЯ ВОЗСТАНІЯ 14-го ДЕКАБРЯ 1825 Г.

:: :: Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО :: ::

ИЗД-СТВО „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ“ ПЕТРОГРАДЪ
1917

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

ПЕРВЕНЦЫ СВОБОДЫ

ИСТОРІЯ ВОЗСТАНІЯ 14-го ДЕКАБРЯ 1825 Г.

ИЗД-СТВО „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ“ :: ПЕТРОГРАДЪ
1917.

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
ПЕТРОГРАДЪ, ИЗМАЙЛ. ПР., 29.

Посвящается продолжателю
дѣла Декабристовъ
А. Ф. КЕРЕНСКОМУ.

I.

Побѣдная Русская Революція—дѣло всего народа, всей Россіи. Присоединеніе арміи къ возставшимъ рабочимъ было столь молніеносно, что и присоединеніемъ его нельзя назвать: встали всѣ вмѣстѣ и всѣ вмѣстѣ побѣдили. Создалась историческая новая, никогда ранѣе не бывшая страна—Свободная Россія.

Но не надо думать, что революція началась въ наши февральскіе дни и кончилась въ мартовскіе. Она не кончилась,—много, много еще впереди!—а началась, эта самая, не теперь,—началась почти сто лѣтъ тому назадъ, въ 1825 году.

Колыбель ея—русская армія. Офицеры всѣхъ лучшихъ полковъ—вотъ «первенцы свободы», зачинатели и первыя жертвы великой революціи, первую побѣду которой видѣли наши февральскіе дни. Создатели и участники русской борьбы за свободу, офицеры и солдаты полковъ 14-го декабря,—вы участники и первой побѣды; вамъ, пролившимъ свою кровь за правое дѣло сто лѣтъ тому назадъ, первая память, первый поклонъ до земли.

Россія знавала смутныя времена, перевороты, потрясенія. Но именно русскіе офицеры, создавшіе возстаніе 14-го декабря (и прозванные декабристами), были начинателями революціи въ Россіи, были первыми русскими революціонерами. Вотъ что говоритъ А. Герценъ:

«Вліяніе событія 14-го декабря было огромно. Пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлыя поколѣнія.

До тѣхъ поръ не вѣрили въ возможность политическаго возстанія, цѣлью котораго было бы нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на чудовище императорскаго царизма на улицахъ самого Петербурга.

«Ни для кого, конечно, не были тайной убійства во дворцѣ какого-нибудь Петра III или Павла, съ цѣлью замѣстить ихъ другими, подобными имъ, деспотами. Но между этого рода убійствами въ застѣнкѣ и громкимъ протестомъ противъ деспотизма на улицѣ, и притомъ запечатлѣннымъ кровью и страданіемъ героевъ, нѣтъ ничего общаго. Впрочемъ, они и не слишкомъ-то разсчитывали на успѣхъ; но зато они понимали все великое значеніе этого протеста. 13-го декабря совсѣмъ еще молодой человѣкъ, поэтъ Одоевскій, обнимая своихъ друзей, говорилъ съ энтузіазмомъ: «Мы идемъ на смерть... но на какую славную смерть!»

«Когда Рылѣевъ (одинъ изъ повѣшенныхъ Николаемъ I) былъ приведенъ въ судъ, онъ заявилъ: «Я могъ все остановить, но я, наоборотъ, лишь побуждалъ дѣйствовать. Я—главный виновникъ событій 14-го декабря. Если кто-нибудь заслуживаетъ смерть за этотъ день, то, конечно, я». Этотъ геройскій отвѣтъ третируется въ донесеніи, какъ простое признаніе въ виновности».

Чтобы понять, откуда и какъ зародилась наша революція, почему первыми революціонерами были офицеры русской арміи, и какія надежды могли они имѣть на успѣхъ,—надо вспомнить тогдашнее время, всѣ тогдашнія русскія условія. Вспомнить и представить себѣ Россію, какою была она сто лѣтъ тому назадъ.

Въ общихъ чертахъ, если мы только сохранимъ историческую перспективу, русскія условія начала прошлаго вѣка очень походили на недавнія условія нашей жизни. То же самодержавіе, самовластіе, произволъ, гнетъ,—и тьма, и глухое недовольство. Но при этомъ еще народъ

безмолвствовалъ въ крѣпостномъ рабствѣ, а солдатская служба была тѣмъ же, если не худшимъ, рабствомъ. Она длилась 25 лѣтъ, съ тяжестью неописуемой, съ такими жестокими «законными» тѣлесными наказаніями, что мы теперь не понимаемъ, какъ люди ихъ выдерживали. Конечно, послѣ 2.000 палочныхъ ударовъ (были и такіе приговоры) никто не оставался въ живыхъ; послѣдніе 500 ударовъ наносили уже мертвому тѣлу, но все-таки наносили: сократить число ударовъ было нельзя—«нарушалась дисциплина». Особенной жестокостью и непреклонностью отличались начальники и командиры изъ нѣмцевъ, а ихъ-то особенно жаловалъ Александръ I. Послѣ совмѣстнаго съ германцами похода на Парижъ, Александръ, плѣнившись выправкой и машинной стройностью нѣмецкихъ войскъ, задумалъ и свои полки довести до такой же гимнастической стройности, даже перещеголять, если можно, нѣмцевъ. Поэтому онъ весьма дорожилъ генералами и командирами съ германской выучкой, нисколько не мѣшая ихъ смертоубійственнымъ пріемамъ. Въ 1820 году произошла странная исторія въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ съ наилучшимъ солдатскимъ составомъ,—въ Семеновскомъ. Эту исторію нельзя назвать бунтомъ,—какой же бунтъ, если весь полкъ, безъ единаго акта насилія и громкаго слова, заявляетъ свой протестъ и затѣмъ въ полномъ составѣ, въ стройномъ порядкѣ, самъ направляется въ Петропавловскую крѣпость? Но протестъ былъ заявленъ, ибо командованіе знаменитаго Шварца довело полкъ до послѣднихъ предѣловъ: палки, розги, плевки въ лицо, сѣченье даже Георгіевскихъ кавалеровъ—вотъ «дисциплина» Шварца, котораго царь называлъ «энергичнымъ».

Молодое русское офицерство въ тѣхъ же гвардейскихъ полкахъ были люди совсѣмъ другіе, новаго поколѣнія. Большинство происходило изъ лучшихъ дворянскихъ и княжескихъ родовъ,—но въ то время въ Россіи

только этотъ высшій слой общества имѣлъ понятіе о просвѣщеніи. Ниже царили глухая тьма и самое дикое невѣжество, всячески поддерживаемое самодержавнымъ строемъ. Въ высшихъ же кругахъ, особенно при началѣ царствованія Александра I, просвѣщеніе стало входить въ моду. Но главный толчокъ былъ данъ послѣ войны 1812 г. Походъ на Парижъ, вослѣдъ отступившей арміи Наполеона, пребываніе въ Европѣ, знакомство съ нею, свѣжій воздухъ свободы — ошеломили и переродили цвѣтъ тогдашней русской молодежи, офицерство. У нихъ точно повязка спала съ глазъ. Александръ I велъ себя во Франціи большимъ либераломъ, и это поддерживало въ русскихъ «побѣдителяхъ» самыя смѣлыя мечтанія. Вѣдь на возвратномъ пути, въ Польшѣ, царь даже говорилъ рѣчь и обѣщалъ полякамъ конституцію.

На самомъ дѣлѣ, усталый царь только стремился скорѣе «домой»: французы съ ихъ безпокойными свободами ему надоѣли, его влекло къ задумчивымъ домашнимъ занятіямъ мистикой (роковая слабость Романовыхъ!), боязливо-суевѣрная натура его тянулась къ архимандриту Фотію, къ г-жѣ Крюденеръ—все равно, къ кому. А для внѣшняго государственнаго спокойствія ему нуженъ былъ Аракчеевъ,—

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
(Рылѣевъ).

На этого «вѣрнаго» Аракчеева, знаменитаго своею жестокостью, царь и оперся, вернувшись домой. Сдалъ свои полки нѣмецкимъ командирамъ, спрятался за Аракчеева, какъ за каменную стѣну, и безотвѣтственно, среди спокойной (какъ онъ думалъ) Россіи, ушелъ въ личныя занятія. Впрочемъ, къ самодержавному своему помазанничеству онъ относился все такъ же, съ упрямымъ суевѣріемъ, и твердо о немъ помнилъ. Даже чѣмъ дальше, тѣмъ тверже.

Но русская образованная, честная молодежь вернулась изъ Европы съ новыми, праведными, порывами къ свободѣ, съ новой, осмысленной, любовью къ родинѣ. И, главное, съ открытыми глазами на самодержавіе. Что же увидѣли здѣсь открытые глаза?

... «Былъ лучъ надежды, что государь дастъ конституцію, — пишетъ одинъ изъ декабристовъ, Александръ Бестужевъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка.—Но съ 17-го года все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговаривать скрытно,—вотъ начало Тайныхъ Обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? И купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?..» Солдаты роптали на истому ученья, офицеры на непомѣрную строгость, матросы на черную работу, удвоенную по злоупотребленію. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу, ученые на то, что имъ не даютъ учить, молодежь на препятствія въ ученіи. Словомъ, во всѣхъ углахъ виднѣлись недовольныя лица: на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: «къ чему это приведетъ?» Всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало надъ вулканомъ, одни судебныя мѣста блаженствовали... Кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ—тотъ кралъ».

Какъ похожъ этотъ 17-й годъ прошлаго вѣка на начало нашего 17-го года! Въ исторіи нѣтъ повтореній, но есть страшныя, роковыя сближенія. Черезъ сто лѣтъ мелькнуло прежнее; не то, — а похожее, отраженное и преломленное въ зеркалѣ времени.

Другой декабристъ говоритъ еще опредѣленнѣе:

«Царствованіе Александра I было для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно до изнеможенія...»

Прозрѣвшіе русскіе люди, съ чистыми и честными сердцами, не могли остаться бездѣйственными. Впервые страданіе за родину, за рабство своего народа, обожгло души. Они были на войнѣ, видѣли смерть въ глаза и отвыкли ея бояться. Знали, впрочемъ, на что идутъ. Но не могли иначе. Они сдѣлались заговорщиками. Рѣшили начать, при помощи арміи, возстаніе и свергнуть самодержавіе.

«Итакъ, съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется.

«Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!»

II.

Гвардейцы — братья Муравьевы, князь Трубецкой и Муравьевы-Апостолы положили первое основаніе Тайнаго Общества. Къ нимъ очень быстро стали присоединяться новые члены,—настроеніе носилось въ воздухѣ.

Еще не было устава, еще цѣли и первоположенія не были твердо опредѣлены, а «Союзъ Благоденствія» (какъ вначалѣ назвало себя Тайное Общество) неудержимо разрастался. Къ нему потянулись всѣ болѣе сознательные элементы тогдашней Россіи. Ихъ было мало внѣ чисто-военной, вельможной среды. Но и малое все-таки влеклось къ этому центру, чуя въ немъ единственную свѣтлую точку, единственный просвѣтъ въ русскомъ застѣнкѣ.

Однако, самое многолюдство, разнообразіе членовъ и разная степень ихъ сознательности скоро начали вредить Союзу и стѣснять его учредителей. Имъ нужна была дѣйственность, крѣпкая линія и крѣпкая, заговорщицкая, сплоченность.

Полковникъ Павелъ Пестель, примкнувшій въ это время къ Союзу, сразу сблизился съ людьми, составлявшими его ядро, и понялъ, что дѣло надо повернуть круто.

Пестель — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени. Молодой, начитанный, съ особенно твер-

дой линіей ума, онъ былъ природный революціонеръ. Въ не порывной, а ровной, прямой волѣ его чувствовалась сталь.

Страхъ передъ опасностями, передъ почти вѣрной смертью былъ ему органически чуждъ. Онъ думалъ только о дѣлѣ и зналъ, чего хотѣлъ.

Вмѣстѣ съ Пестелемъ первые учредители Союза и наиболѣе близкіе члены образовали тѣсный кругъ внутри общаго круга, тайное революціонное общество внутри широкаго и разнообразнаго Союза Благоденствія.

Но время шло. Съ каждымъ годомъ, если не мѣсяцемъ, Россія крѣпче зажималась въ клещи, политика Александра I становилась реакціоннѣе, аракчеевщина свирѣпѣе. Соотвѣтственно крѣпла и обострялась революціонность Тайнаго Общества. Мысль о необходимости полнаго устраненія царя вставала все рѣзче. Пестель, по своей прямолинейности, не останавливался тутъ ни передъ чѣмъ. Въ его планъ возстанія входила даже возможность устраненія всѣхъ членовъ императорской фамиліи—всѣхъ Романовыхъ.

Послѣ раскассированія Семеновскаго полка (исторія 1820 года) многіе офицеры, члены Тайнаго Общества, попали на югъ, въ Малороссію, въ Тульчинъ. Туда переведенъ былъ и Пестель. Общество силою вещей распалось на два: Сѣверное и Южное.

А Союзъ Благоденствія, ради удаленія всѣхъ ненадежныхъ и несознательныхъ, рѣшено было на съѣздѣ въ 1821 году объявить закрытымъ.

Отъ этого времени начинается опредѣленная революціонная дѣятельность двухъ сообществъ: на сѣверѣ—въ Петербургѣ, на югѣ—въ Тульчинѣ. При тѣсной связи, при постоянномъ общеніи, въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ Югъ и Сѣверъ однако разнились.

Сѣверное было умѣреннѣе. Когда Южное окончательно остановилось на республиканской идеѣ, Сѣверное

еще колебалось, еще звучали тамъ голоса въ пользу конституціонной монархіи. Но необходимость возстанія, революціи, была признана обоими Обществами. Вопросъ ставился лишь о времени.

Неудивительно, что Южное Общество было настроено крайне революціонно: его велъ Пестель. Кромѣ того, на югѣ члены Тайнаго Общества открыли самостоятельно сложившееся Общество Славянъ, а затѣмъ Польское Общество. Послѣ многихъ переговоровъ, выясненія общности цѣлей, «Славяне» торжественно присоединились къ Южанамъ. Въ Славянскомъ Обществѣ составъ офицерства отличался большей демократичностью.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, ближайшій сподвижникъ Пестеля, не меньшій революціонеръ, чѣмъ онъ, былъ, какъ человѣкъ, Пестелю противоположенъ. Весь порывный, глубоко вѣрующій, онъ свѣчой горѣлъ передъ свободой. Своихъ солдатъ онъ любилъ и вѣрилъ въ нихъ. Солдаты платили ему тѣмъ же и вѣру Муравьева полностью оправдали. Ихъ вѣчный отвѣтъ Муравьеву, что бы онъ ни говорилъ, куда бы ни звалъ: «рады стараться съ вашимъ благородіемъ до послѣдней капли крови!»— былъ святой правдой. На взаимной любви и вѣрѣ, пусть иногда слѣпой, строились отношенія петербургскихъ офицеровъ съ солдатами. Слишкомъ много порывнаго было у Муравьева; ему въ голову не приходило разъяснять чтонибудь солдатамъ исподволь, заранѣе. «Все сразу поймутъ въ нужную минуту! Правда озаряетъ, какъ солнце»,— думалъ онъ.

Члены Славянскаго Общества не меньше вѣрили, и энтузіазма у нихъ было не меньше, чѣмъ у Муравьевцевъ; но фактически, по условіямъ долгой службы въ провинціи и принадлежности къ другой средѣ, они стояли ближе къ солдатамъ. Не было, вѣроятно, того оттѣнка влюбленной преданности въ отношеніяхъ, но зато было больше товарищества и разсудительности. Тамъ лучше была поста-

влена агитаціонная работа. Среди солдатъ велась систематическая пропаганда.

Сколько именно лицъ принадлежало къ Тайнымъ Обществамъ 20-хъ годовъ—мы не знаемъ. Молва исчисляла ихъ до пяти тысячъ. Извѣстны 121 осужденныхъ офицеровъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, самыхъ замѣчательныхъ. Герои они всѣ, но были между ними и герои-святые.

Обширное Южное Общество, весьма планомѣрно устроенное Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, Юшневскимъ и нѣкоторыми другими, вело свою рѣшительную линію. И связь его съ Сѣвернымъ стала еще тѣснѣе, когда къ Сѣверному примкнулъ человѣкъ не менѣе сильный, чѣмъ Пестель,—Кондратій Рылѣевъ.

Отставной артиллерійскій поручикъ, извѣстный талантливый поэтъ, пріятель Пушкина, другъ Трубецкого и братьевъ Бестужевыхъ (изъ нихъ Александръ—писатель Марлинскій), Рылѣевъ былъ человѣкъ обаятельно-мягкій, безъ Пестелевской сухости, и въ то же время твердый, какъ желѣзо. Онъ нѣжно любилъ свою мать, молодую жену и единственную маленькую дочку Настеньку. Но дѣло свободы, дѣло революціи любилъ совершенно особенной, ни передъ чѣмъ неотступной любовью. Можетъ-быть, яснѣе другихъ видѣлъ онъ, что гибель, позорная смерть, неизбѣжна. Онъ часто говаривалъ: «Предвижу, что не будетъ успѣха; но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: «дерзай!», и ежели это будетъ несчастливо—мы своей неудачей научимъ другихъ».

Въ стихотвореніяхъ онъ писалъ объ одномъ, только объ одномъ:

. . . . . моя отчизна страждетъ,
Душа, въ волненьи тяжкихъ думъ,
Теперь одной свободы жаждетъ...

Бестужевъ разсказываетъ, что какъ-то больной братъ его, Михаилъ, жилъ у Рылѣева. Сидѣлъ вечеромъ въ своей комнатѣ, а Рылѣевъ въ кабинетѣ оканчивалъ поэму. Дописавъ, онъ принесъ стихи брату и прочелъ:

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Я жребій свой благословляю!

Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила Бестужева. Знаешь ли,— сказалъ онъ, — какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою?..» — «Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи?—сказалъ Рылѣевъ.— Вѣрь мнѣ, каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей гибели, которою мы должны купить нашу первую попытку свободы для Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ».

Дѣтская довѣрчивость къ людямъ, нежность чудесно соединялись въ Рылѣевѣ съ рѣшительностью и желѣзомъ воли. Наканунѣ возстанія онъ долго, терпѣливо говорилъ съ матерью, открылъ ей все, простился навсегда и просилъ ея благословенія. Мужественно выдержалъ ея слезы, мольбы, ушелъ, не измѣнивъ себѣ ни на секунду. Утромъ, въ день 14-го декабря, былъ задумчивъ. Сказалъ Бестужеву, пришедшему за нимъ: «можетъ-быть, мечты наши сбудутся; но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ». Бестужевъ былъ и свидѣтелемъ тяжелой послѣдней сцены, когда Рылѣевъ, чтобы уйти, буквально вырвался изъ рукъ обезпамятѣвшей жены и дочери.

Ему было только 26 лѣтъ.

Кромѣ Рылѣева, братьевъ Бестужевыхъ, кн. Евгенія Оболенскаго,—серьезное мѣсто въ Сѣверномъ Обществѣ занималъ князь Сергѣй Трубецкой, полковникъ Преображенскаго полка. Но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто долѣе колебался передъ рѣшительнымъ направленіемъ Южанъ; онъ склонялся въ сторону осторожныхъ и обдуманныхъ дѣйствій; его влекло къ формѣ конституціонной монархіи больше, чѣмъ къ идеѣ народовластія.

Подъ давленіемъ жизни, подъ вліяніемъ Рылѣева, и благодаря связи Сѣвернаго Общества съ дѣйственно-революціонными Южанами, Трубецкой мало-по-малу сдался. Общее соглашеніе было достигнуто. Возстаніе предполагалось начать въ 1826 году.

III.

Каковы же, опредѣленно, были задачи декабристовъ? Чего хотѣли они достичь возстаніемъ, и былъ ли у нихъ планъ самого возстанія?

У Пестеля, Рылѣева, Трубецкого и Муравьева имѣлось много болѣе или менѣе разработанныхъ проектовъ будущаго Россійскаго свободнаго устройства, какъ оно имъ рисовалось. «Русская Правда» Пестеля, — большой долголѣтній трудъ,—зарыта была въ землю при началѣ арестовъ и потомъ найдена сыщиками. Если мы откроемъ эти проекты, мы точно опять взглянемъ въ далекое историческое зеркало. Желанія декабристовъ — наши достиженія. Ихъ кровь—за нашу сегодняшнюю побѣду. Не даромъ—

мы ихъ не забыли...
Мы долгій рядъ безумныхъ лѣтъ
Несли, лелѣяли, хранили
Ихъ ослѣпительный завѣтъ...

Вотъ изъ бумагъ кн. Трубецкого:

1) Русскій народъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2) Источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя.

3) Правленіе Россіи есть уставное и союзное.

Необходимо:

1) Уничтоженіе бывшаго правленія.

2) Учрежденіе Временнаго Правленія до установленія постояннаго выборными.

3) Свободное тисненіе, а потому уничтоженіе цензуры.

4) Уравненіе всѣхъ сословій.

5) Уничтоженіе постоянной арміи и т. д.

Рылѣевъ: «Мы въ правѣ только разрушить то правленіе, которое почитаемъ неудобнымъ для отечества, а потомъ тотъ Государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ Обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора (Учредительнаго Собранія), какъ проектъ. Насильное же введеніе онаго я почиталъ нарушеніемъ правъ народа. Съ симъ мнѣніемъ всѣ были согласны». И далѣе, по Рылѣеву: «Положено было захватить царскую фамилію и держать оную до съѣзда Великаго Собора... Трубецкой поручалъ мнѣ написать манифестъ, что Государь Императоръ и Цесаревичъ «отказались отъ престола», и что нынѣ Сенатъ «почелъ необходимымъ созвать на Великій Соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства». Къ сему слѣдовало присовокупить увѣщаніе, чтобы народъ остался въ покоѣ, что имущества, государственныя и частныя, остаются неприкосновенными, и что для сохраненія общественнаго устройства Сенатъ передалъ исполнительную власть Временному Правленію...»

Мы знаемъ, что, какъ Южное, такъ и Сѣверное Общество состояли большею частью изъ республиканцевъ. Они не сомнѣвались, что «Великій Соборъ» утвердитъ

именно республику. И поэтому Пестель прибавляетъ: «когда избранъ будетъ образъ республиканскаго правленія, императорскую фамилію хотѣли посадить, всю безъ изъятія, на корабли и отправить въ чужіе края...»

Декабристы знали, что самое понятіе самодержавія, царя, при всей смутности—еще крѣпко въ народѣ, да и въ арміи, которая вся была тотъ же народъ. Такъ же крѣпко и смутно, какъ понятіе православія, всѣмъ своимъ существомъ поддерживавшее самодержавіе. И проекты манифестовъ въ большинствѣ направлены къ разрушенію идеи самодержавія. Пламенно-религіозный С. Муравьевъ-Апостолъ занимаетъ тутъ особую позицію. Онъ понималъ, что православіе дѣйствительно слито, навѣки спаяно съ самодержавіемъ. Но вѣрилъ и видѣлъ ясно, что христіанство не только съ нимъ не слито, а глубоко и дѣйственно отрицаетъ самодержавіе, утверждая свободу.

Вотъ одинъ изъ проектовъ перваго послѣреволюціоннаго манифеста (воззванія къ народу), составленный С. Муравьевымъ-Апостоломъ:

...«Богъ умилосердился надъ Россіей... Христосъ рекъ: «не будьте рабами человѣковъ, вы искуплены кровью Моею». Міръ не внялъ святому повелѣнью и палъ въ бездну бѣдствій. Но страданья наши тронули Всевышняго. Раскаемся въ долгомъ раболѣпствѣ нашемъ и поклянемся: да будетъ намъ единъ царь на небеси и на земли—Іисусъ Христосъ.

«Всѣ бѣдствія русскаго народа проистекали отъ самовластнаго правленія. Оно рушилось... Богъ ознаменовываетъ волю Свою, дабы мы сбросили съ себя узы рабства, противныя закону христіанскому. Отнынѣ Россія свободна... Но не покусимся ни на какія злодѣянія и безъ распрей междоусобныхъ установимъ правленіе народное... Россійское воинство грядетъ возстановить правленіе народное, основанное на святомъ законѣ... Итакъ, да пребудетъ

народъ въ мирѣ и спокойствіи, и да умоляетъ Всевышняго о скорѣйшемъ свершеніи святого дѣла нашего...»

Вотъ манифестъ, который могла бы и должна бы обнародовать въ наши дни, въ 1917 году, воистину христіанская церковь. Увы, ничего похожаго на это не сказала церковь православная. Слишкомъ долго поддерживала она абсолютизмъ, слишкомъ близко жила она къ царямъ и только имъ угождала. Извѣстны іерархи, прямо писавшіе самодержцу: «ты нашъ Христосъ...»

Другой манифестъ Муравьева составленъ уже въ видѣ новаго катихизиса и заключалъ въ себѣ не только отрицаніе самодержавія, но былъ прямымъ призывомъ къ возстанію, къ революціи, во имя христіанскихъ основъ бытія.

Мы къ этому катихизису еще вернемся.

Что касается самого возстанія, то его думали начать на югѣ, во время царскаго смотра. Сѣверъ долженъ былъ выступить со своей стороны почти одновременно, въ условленный и заранѣе опредѣленный срокъ.

«Имѣя 3-й корпусъ за себя, — пишетъ Пестель, — полагали итти съ онымъ на Москву, гдѣ 2-й и 1-й корпуса къ намъ пристанутъ, и тогда Сенатъ заставить провозгласить предложенную конституцію и соединить Великій Соборъ».

Въ 1824 году Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы связать оба Общества однимъ управленіемъ и приготовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ 1826 году.

Но жизнь перепутала всѣ карты.

«Одна за другой посыпались новости, — пишетъ Герценъ.—Умеръ Александръ I (ноябрь 1825 года, въ Таганрогѣ), Южное Общество предано, Константинъ отказывается отъ короны, Николай ея не принимаетъ... Въ высшихъ сферахъ наступило полное замѣшательство. Войско, сановники и даже члены царской фамиліи колебались, не зная, на чью сторону пристать. Заговорщики не могли не воспользоваться этой сумятицей отре-

ченій... этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами!

«Не одни бѣдные солдаты потеряли голову. Московскій генералъ-губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ присягать, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ соборѣ—свой секретъ».

Въ Успенскомъ соборѣ давно лежало формальное отреченіе Константина и царское признаніе наслѣдникомъ Николая.

Трудно на первый взглядъ понять поведеніе императора Александра.

Онъ зналъ, что Константинъ пуще огня боится отцовскаго (Павловскаго) престола и ни за что не будетъ царствовать; Александръ уже назначилъ Николая, онъ все это оформилъ—и, однако, спряталъ «секретъ» въ Успенскомъ соборѣ. У него было, очевидно, ко всему этому отношеніе, какъ къ «дѣлу семейному», къ Россіи—какъ къ своей вотчинѣ. Оповѣщаютъ ли крѣпостныхъ о будущихъ распорядкахъ по вотчинѣ?

Александру I Николай нравился, какъ самодержецъ, больше, нежели курносый, старый и пугливый Константинъ.

Николай былъ высокъ ростомъ, обладалъ военной выправкой нѣмецкаго образца, вообще имѣлъ видъ «настоящаго прусскаго юнкера».

Что этотъ статный «юнкеръ», не помышлявшій о престолѣ, до зрѣлыхъ лѣтъ никакимъ дѣломъ не занимался, ничего не читалъ и (по собственному признанію) только днями околачивался въ царскихъ переднихъ, въ компаніи офицеровъ,—это Александра не заботило. Ничего, справится. Зато у него уже налицо была жена, нѣмецкая

принцесса, и тоже подходящей наружности, да, кстати, и сынъ-наслѣдникъ. Все устраивалось.

Александръ I былъ человѣкъ упрямый, сентиментальный и суевѣрный. Онъ царствовалъ, не помышляя о скорой смерти, однако любилъ говорить о ней и даже о томъ, что ему хочется еще при жизни отречься отъ престола, уйти «въ тихое уединеніе». Надъ этой мыслью онъ умилялся, но, конечно, никуда бы не ушелъ.

Самое любопытное, что онъ отлично зналъ о существованіи Тайнаго Общества, о заговорѣ противъ него,—вплоть до нѣкоторыхъ именъ заговорщиковъ. И зналъ давно.

Унтеръ-офицеръ 3-го Бугскаго уланскаго полка, Шервудъ, явился въ одинъ прекрасный день къ Аракчееву и донесъ ему о Южномъ Обществѣ, все по порядку. Повторилъ доносъ самому государю.

Шервуду приказано было содержать все втайнѣ, и даны отъ Александра и Аракчеева полномочія возвратиться назадъ, входить въ самыя близкія сношенія съ заговорщиками, вызывать сочувствіемъ ихъ довѣріе и о вывѣданномъ правильно доносить.

Такимъ образомъ царь сдѣлалъ изъ доносчика провокатора, въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—можетъ-быть, перваго русскаго провокатора.

Царь зналъ все. И, несмотря на уговоры Аракчеева, хранилъ доносы, имена, въ глубочайшей тайнѣ. Не дѣлалъ и никому не позволялъ сдѣлать шага къ аресту заговорщиковъ. Почему онъ медлилъ? Мужественно выжидалъ? Нѣтъ. Именно мужества-то въ немъ и не было. Онъ медлилъ и колебался отъ суевѣрнаго страха.

Кошмаръ, преслѣдовавшій его всю жизнь,—дворцовое убійство Павла I, отца,—и тутъ стоялъ у него въ глазахъ. Вѣдь Павелъ тоже зналъ о заговорѣ противъ него. Молчалъ. И ничего не было, пока молчалъ. А только-что рѣшился, вызвалъ Аракчеева, велѣлъ арестовать заговорщиковъ,—какъ тутъ все и случилось.

Александръ трепеталъ, дѣлая сближенія, боясь скверной примѣты. Лучше подождать. Пока ждешь—не случится.

Примѣта, кстати сказать, сбылась.

Ничего не случилось. Александръ умеръ неожиданно, но своей смертью, и умеръ, какъ жилъ—самодержцемъ.

Но тотчасъ послѣ смерти царя, начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ, въ Таганрогѣ, найдя въ бумагахъ Александра указанія на заговоръ, счелъ своей обязанностью дать дѣлу немедленный ходъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ было еще спокойно. Ходили только смутные слухи о нездоровьѣ государя; и вдругъ полученная вѣсть о его смерти (черезъ 8 дней послѣ событія) поразила всѣхъ неожиданностью. Тутъ-то и началось «смятеніе умовъ», колебанія насчетъ присяги, поиски настоящаго наслѣдника. Константинъ жилъ въ Варшавѣ. Къ нему поскакали курьеры. Возвращались съ отказомъ и опять скакали обратно.

Надо помнить, что для всѣхъ этихъ путешествій, по сквернымъ осеннимъ дорогамъ, на перекладныхъ, требовались дни. И дни шли. Междуцарствіе длилось.

Члены Тайнаго Сѣвернаго Общества почувствовали, что не могутъ оставаться въ бездѣйствіи. Какъ же они дѣйствовали?

IV.

«Попытка 14-го декабря вовсе не была такъ безумна, какъ ее представляютъ,—говоритъ Герценъ.—Она не удалась—вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, если бъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14-го, а въ полночь, и обложили бы Зимній дворецъ, гдѣ ничего не было готово? Что было бы, если бъ, не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали на дворцовый караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда?»

Попытка могла удаться, но, надо сказать правду, и удача была бы случайной. Событія застигли Сѣверное Общество врасплохъ. Главари не успѣли выработать плана. Каждодневныя совѣщанія у Рылѣева, торопливыя, возбужденныя, со зловѣщими (и вѣрными) слухами, что заговоръ почти открытъ, что все равно, будетъ попытка или нѣтъ, гибель неминуема,—эти совѣщанія не могли привести къ планомѣрности. Войска были не готовы: то-есть, готовыя итти куда угодно за своими любимыми начальниками, они не были достаточно сознательны, цѣли возстанія представляли себѣ смутно. Многія части возмущались лишь второй присягой тотчасъ послѣ первой: «каждый день присягай, то одному, то другому, а тамъ, пожалуй, третьему».

Во всякомъ случаѣ, полки, состоявшіе подъ командой заговорщиковъ, должны были начать съ отказа присягнуть Николаю; на это они были готовы и это исполнили.

Но въ дальнѣйшемъ сказалось отсутствіе плана, твердаго и яснаго сговора. Или двоеніе плана. Въ собраніяхъ 12-го и 13-го декабря Трубецкой предлагалъ съ однимъ полкомъ начать обходъ казармъ и уже соединенно итти къ Сенату. Рылѣевъ настаивалъ, чтобы полки шли прямо на Сенатскую площадь. Тамъ, послѣ возможнаго присоединенія другихъ гвардейскихъ полковъ, слѣдовало арестовать государя и предъявить Сенату для подписи манифестъ о переворотѣ.

Трубецкой какъ будто уступилъ. Какъ будто принятъ былъ планъ Рылѣева. По крайней мѣрѣ, обхода казармъ не совершалось. Кто могъ, успѣлъ, понялъ—повелъ своихъ солдатъ прямо на площадь. Повели нѣкоторые, даже не принадлежавшіе ранѣе къ Обществу, а какъ-то вдругъ воспламенившіеся наканунѣ, въ суетѣ, случайно встрѣченные. Напротивъ, многіе изъ видныхъ заговорщиковъ совершенно спутались, потеряли голову, пришли на площадь не во-время, а Трубецкой такъ растерялся, что вовсе не при-

шелъ. Его напрасно вездѣ искали, и по многимъ причинамъ отсутствіе его въ нужный моментъ сыграло роковую роль.

Утро 14-го декабря было холодное, не ясное, вѣтреное. Морозъ не сильный, но непріятный, пронизывающій. На Сенатскую площадь (вызванные для новой присяги Николаю) съ ранняго часа начали собираться полки. Изъ войскъ революціонныхъ первымъ пришелъ Московскій полкъ. Онъ сталъ передъ Зимнимъ дворцомъ. Было около 10 часовъ. Московскій полкъ первый отказался присягнуть. «Бунтъ» сталъ явнымъ. Подъѣхалъ съ увѣщаніями графъ Милорадовичъ. Каховскій, членъ Сѣвернаго Общества, выстрѣлилъ неожиданно, безъ уговора съ другими. Милорадовичъ упалъ съ лошади. Замѣшательство усиливалось. Въ это время подошли къ Московскому полку Гвардейскій экипажъ съ Николаемъ Бестужевымъ и лейбъ-гренадеры подъ командой поручиковъ Панова и Сутгофа.

Противъ нихъ, со стороны Зимняго дворца, стояли войска правительственныя. Самъ Николай находился среди нихъ, вѣрнѣе, за ними, окруженный генералами. На его видной фигурѣ прусскаго юнкера страхъ отражался только блѣдностью лица, противорѣчивостью приказаній и мгновенными остолбенѣніями. Но не бояться ему было нельзя: онъ зналъ, что и стоявшая передъ нимъ гвардія,—преображенцы, измайловцы и семеновцы,—далеко не вѣрна. Все время отъ нихъ передавались въ возставшія войска одобренія, совѣты: «подождите только до ночи... держитесь...»

Густѣвшая толпа народа все плотнѣе примыкала къ мятежному войску. Народу было тысячъ около 20—30. Безмолвный, мало понимающій, что творится, онъ однако всѣмъ неяснымъ чувствомъ своимъ былъ на сторонѣ возставшихъ солдатъ. Онъ вѣдь и стоялъ на э т о й сторонѣ—противъ Зимняго дворца, напротивъ волнующихся генераловъ и неожиданнаго, непривычнаго еще царя (можетъ, незаконнаго?).

Но время шло; Трубецкого не было; люди ждали; командованія никто не рѣшался принять на себя. Да и какъ сговариваться сызнова въ такихъ условіяхъ? Рылѣевъ могъ бы рѣшиться, но онъ, какъ отставной, былъ въ штатскомъ. Рылѣевъ, уже когда пришелъ Гвардейскій экипажъ, зналъ, что все потеряно. «Онъ привѣтствовалъ меня первымъ цѣлованіемъ свободы,—говоритъ Николай Бестужевъ,—отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Предсказаніе сбывается; послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою!»

Между тѣмъ генералы волновались, подталкивая столбенѣвшаго Николая; но Николай боялся,—ждалъ; Зимній дворецъ весьма плохо защищенъ, царь это зналъ; не даромъ велѣлъ онъ на всякій случай приготовить дорожныя кареты для себя и своей семьи. «Ваше Величество, тутъ нужно картечь!»—твердилъ генералъ Толь.

Государь отдалъ приказаніе конно-гвардейцамъ атаковать мятежниковъ. Пять атакъ (вѣроятно, не очень усердныхъ) были отражены. Снова начались увѣщанія, оставшіяся безплодными: старый митрополитъ и великій князь Михаилъ Павловичъ—оба были прогнаны.

Наконецъ привезли артиллерію.

Если бы возставшія войска имѣли нужное командованіе, могли не стоять, а двигаться, итти впередъ, нападать—Богъ знаетъ, какъ повернулось бы дѣло. Правда, ихъ было почти вдесятеро меньше, чѣмъ правительственныхъ, но не забудемъ, что и правительственныя были тѣ же солдаты, тѣ же гвардейцы, сами колеблющіеся и недовольные, еще вовсе не вѣрные неизвѣстному, сегодняшнему, царю (можетъ-быть, и незаконному). Въ такихъ случаяхъ одно мгновенье рѣшаетъ дѣло.

Но мгновенье было пропущено. Возставшая сторона заняла пассивную, чисто-оборонческую, позицію,—стой-

кую, крѣпкую даже до смерти,—вѣдь они не сдались, не отступили ни на полшага даже передъ черными жерлами пушекъ, и на послѣднія увѣщанія генерала Сухозанета отвѣчали презрительнымъ: «пришлите кого-нибудь получше!», но—идущій всегда побѣждаетъ стоящаго; а «оттуда» рѣшились итти.

Рѣшились не скоро, будто пробуя, что выйдетъ, крадучись. Николай скомандовалъ артиллеріи: «первая!»—и тотчасъ же: «отставь». И опять: «первая!» и опять: «отставь». Снова, въ третій разъ: «первая!»—и молчаніе. Выстрѣла не было. Офицеръ, повторившій приказъ царя, бросился къ фейерверкеру. Это онъ медлилъ.

— Ваше благородіе... Вѣдь с в о и...

Офицеръ самъ кинулся къ орудію... Первый выстрѣлъ былъ все-таки вверхъ. Второй въ революціонныя войска и въ народъ, густо ихъ окружавшій.

— Уходите, уходите!— кричали народу солдаты и офицеры.—Мы не хотимъ, чтобы изъ-за насъ васъ перебили!

Сами они тутъ же падали, рядами, и умирали, а оставшіеся на ногахъ еще крѣпились, еще стояли подъ проливнымъ дождемъ картечи.

Стремясь спасти оставшихся людей, вожди возстанія повели ихъ къ Невѣ; была еще возможность перейти на ту сторону, къ Петропавловской крѣпости. Но хрупкій ледъ сталъ проламываться подъ тяжестью людей. Кое-кто все-таки перешелъ, но къ Академіи Наукъ. Было уже темно. Отъ Зимняго дворца во всѣ стороны, вдоль всѣхъ улицъ, бушевалъ теперь огонь. Кучи тѣлъ валялись на площади, кучи въ водѣ, на рыхломъ льду рѣки, раненые и убитые вмѣстѣ. Въ первый разъ святая кровь стоявшихъ за дѣло свободы пролилась на прибрежный гранитъ Невы.

День 14-го декабря кончился. Но съ нимъ еще далеко не все кончилось для декабристовъ.

V.

Возстаніе на югѣ началось позже, въ самомъ концѣ декабря, когда о днѣ 14-го уже было извѣстно. Подробностей не знали, знали только о неудачѣ.

Но и передъ Южнымъ Обществомъ выбора не было: если не сдѣлать попытку—все равно гибель. Общество открыто, предано. Въ ночь на 14-е декабря былъ арестованъ Пестель. Его имя первымъ стояло въ спискахъ Дибича, и Дибичъ послалъ за нимъ Чернышева. Пестель былъ арестованъ въ Тульчинѣ, пріѣхавъ туда изъ Василькова по вызову командира. Высшее начальство южнаго округа почти обо всемъ знало ранѣе, большинство даже сочувствовало,—но подъ шумокъ, наполовину, и вело себя двойственно. Ни Сергѣя Муравьева-Апостола, ни его брата Матвѣя, ни Бестужева-Рюмина въ то время не было въ Тульчинѣ. Чернышевъ, кажется, имѣлъ приказаніе арестовать только Пестеля. Но тотчасъ же стало извѣстно, что подполковникъ Гебель разыскиваетъ братьевъ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина.

«Славяне» заволновались. Было рѣшено отбить Муравьева и Бестужева, въ случаѣ ихъ ареста, и немедленно начать возстаніе. Офицеры Черниговскаго полка Сухановъ, Кузьминъ, Соловьевъ и другіе такъ и сдѣлали.

Въ Трилѣсахъ, гдѣ Гебель арестовалъ братьевъ Муравьевыхъ, произошла стычка, Гебель былъ тяжело раненъ, Муравьевы освобождены и увезены въ деревню Ковалевку, гдѣ квартировала 2-я гренадерская рота.

Туда же пріѣхалъ Бестужевъ-Рюминъ. На утро вернулся Кузьминъ со своею ротою. Рѣшено было стянуть сюда всѣ вѣрныя возстанію войска и итти сначала на Васильковъ, затѣмъ въ Кіевъ.

Декабристъ Горбачевскій въ своихъ запискахъ даетъ намъ самую подробную картину этого революціоннаго похода.

Офицеровъ было 17 или 18 человѣкъ. Войска — около тысячи. Преданность и вѣрность солдатъ «достойны всякаго замѣчанія»,—говорилъ Горбачевскій. Черниговскій полкъ, гдѣ офицеры («Славяне») по-товарищески относились къ солдатамъ и усердно ихъ готовили, былъ самый сознательный. Но и менѣе сознательные люди горѣли той же вѣрностью, тѣмъ же одушевленіемъ: любовь къ вождямъ, къ офицерамъ, соединяла всѣхъ въ одно.

Странный, жертвенный походъ! Могъ ли онъ удаться? Какъ петербургское возстаніе 14-го декабря—и да, и нѣтъ. Какъ въ Петербургѣ, всѣ ближайшія войска, не примкнувшія еще, были въ состояніи неясномъ, колеблющемся. Могли примкнуть, могли и не примкнуть. Командиры ихъ, если и не всѣ принадлежали къ Обществу, то знали о немъ, сочувствовали ему. Духъ въ войскахъ, уже выступившихъ, былъ такъ высокъ, такъ плѣнителенъ, что младшій братъ Сергѣя Муравьева, Ипполитъ (подпоручикъ свиты Е. В.), случайно пріѣхавшій изъ Петербурга съ грустными вѣстями 14-го декабря, все забылъ, мгновенно примкнулъ къ походу, поклявшись или побѣдить или умереть.

Волна свободы захватила людей. Васильковъ былъ взятъ. Мѣстныя власти обезоружены. Сергѣй Муравьевъ, который руководилъ походомъ, на городской площади объяснилъ созваннымъ почетнымъ гражданамъ цѣль возстанія, просилъ быть спокойными и не предаваться страху, потому что имъ ничего не угрожало.

«Ласковое и благородное обращеніе Муравьева не осталось безъ дѣйствія,—говоритъ Горбачевскій.—Успокоенные жители доставили припасы, размѣстили солдатъ. Городъ былъ окруженъ военной цѣпью».

Рано поутру, передъ новымъ выступленіемъ, С. Муравьевъ велѣлъ послать за священникомъ. Вручилъ ему свой «Катихизисъ Свободы», просилъ, послѣ молитвы, прочитать его войскамъ, благословить ихъ на святое дѣло.

Священникъ о. Даніилъ, человѣкъ молодой, понялъ Муравьева. Они вмѣстѣ вышли на площадь. «Собравшіяся роты были построены въ густую колонну,—пишетъ Горбачевскій.—Подошедъ къ ней, Муравьевъ привѣтствовалъ солдатъ дружелюбно и потомъ въ короткихъ словахъ изложилъ имъ цѣль возстанія и представилъ, сколь благородно пожертвовать жизнью за свободу. Восторгъ былъ всеобщій: офицеры и солдаты изъявили готовность слѣдовать за нимъ всюду. Тогда Муравьевъ, обратясь къ священнику, просилъ его прочесть «Катихизисъ», который состоялъ изъ чистыхъ республиканскихъ правилъ, вытекающихъ изъ вѣры во Христа.

«Священникъ читалъ громкимъ голосомъ правила и обязанности свободныхъ гражданъ. «Наше дѣло,—сказалъ Муравьевъ по окончаніи,—такъ велико и благородно, что не можетъ быть запятнано никакимъ принужденіемъ; и потому кто изъ васъ, гг. офицеры и солдаты, чувствуетъ себя неспособнымъ къ такому предпріятію, тотъ пускай немедленно оставитъ ряды...» Громкія восклицанія заглушили послѣднія слова. Никто не ставилъ рядовъ, и каждый ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты летѣть за славою или смертью».

Это было 31-го декабря, въ послѣдній день 1825 года. Походъ, начавшійся такъ блистательно, продолжался. Волна свободы, захватившая людей, несла ихъ впередъ. Куда, къ побѣдѣ? Нѣтъ, къ смерти. Это вѣдь была первая волна. Нужны были жертвы. Многими, многими жертвами искупается свобода...

Сергѣй Муравьевъ, измученный, полубольной, возбужденный, велъ войска впередъ, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе теряя планъ, безпрестанно мѣняя его. Почему онъ перемѣнилъ направленіе и пошелъ вмѣсто Житоміра на Бѣлую Церковь? Онъ дѣлалъ ошибки, не принималъ на остановкахъ никакихъ предосторожностей, выбиралъ не-

защищенныя степныя дороги. Точно не самъ шелъ, точно не самъ велъ,—а по указанію какого-то рока. Обреченный велъ обреченныхъ. Все время ждалъ другихъ войскъ, помощи, но помощь не приходила. 3-го января, въ степи, недалеко отъ Бѣлой Церкви, ему встрѣтились конные гусары подъ командой генерала Гейсмара.

Вѣрныя правительственныя войска? Нѣтъ, колеблющіяся, почти Муравьевскія—но почти. Опять и тутъ одинъ какой-то моментъ рѣшалъ дѣло. И онъ рѣшилъ его не въ пользу революціонныхъ полковъ.

У гусаръ были орудія. «Первый картечный выстрѣлъ ранилъ и убилъ многихъ. Новый ранилъ Муравьева въ голову; упалъ поручикъ Щепила и нѣсколько солдатъ. Муравьевъ стоялъ, какъ оглушенный; кровь текла по его лицу. Дѣйствіе картечи было убійственно. Люди падали и умирали рядами».

Горбачевскій не говоритъ намъ, сколько времени продолжалось сраженіе. Но, по всей вѣроятности, очень недолго. Въ огнѣ картечи гусары налетѣли и окружили оставшихся въ живыхъ. Почти всѣ офицеры были ранены, нѣкоторые убиты наповалъ; Ипполитъ Муравьевъ, вѣрный клятвѣ побѣдить или умереть, застрѣлился самъ, Кузьминъ тоже.

Окровавленный С. Муравьевъ, братъ его Матвѣй, Соловьевъ, Быстрицкій и Бестужевъ-Рюминъ были взяты и увезены подъ сильнымъ конвоемъ.

Такъ молніеносно и страшно окончился первый военный походъ.

Члены Тайныхъ Обществъ въ Кіевѣ и въ другихъ южныхъ городахъ въ это же время были арестованы. Арестовывали правыхъ и виноватыхъ. Многихъ отправили въ Могилевъ; Бестужева-Рюмина, Сергѣя Муравьева съ братомъ Матвѣемъ и другими—въ Петербургъ.

Готовился судъ, «неправедный и немилосердный»,—мщеніе «прусскаго юнкера», самодержца Николая I.

А для непопавшихъ на этотъ петербургскій страшный судъ былъ и другой, не менѣе страшный. Участь молодого священника, прочитавшаго войскамъ христіанскій «Катихизисъ», безпримѣрна. Его сослали и забыли, буквально забыли о немъ на тридцать слишкомъ лѣтъ! Солдаты революціоннаго Черниговскаго полка (раскассированнаго) были прогнаны сквозь строй. По словамъ Горбачевскаго, приговоръ исполнялся съ такой жестокостью, что отъ несчастныхъ летѣли кругомъ клочки окровавленнаго мяса.

Но вернемся къ суду петербургскому.

VI.

День 14-го декабря 1825 года—не только первый день Великой Русской Революціи: онъ въ то же время начало великаго пути страданія, который приняли всѣ лучшіе люди Россіи, всѣ борцы за ея свободу. Нѣтъ такихъ словъ, которыми бы эти страданія, эта смертная крестная мука могла быть разсказана. Великій долгъ лежитъ на счастливыхъ, дожившихъ до побѣдныхъ дней русской революціи. Они должны вѣчно помнить, что Свобода не только ихъ руками завоевана, но принята также изъ жертвенныхъ рукъ погибшихъ поколѣній, изъ рукъ всѣхъ задушенныхъ, разстрѣлянныхъ, задавленныхъ, закованныхъ, утопленныхъ, умученныхъ, зарытыхъ въ землю и въ снѣга, всѣхъ униженныхъ, ошельмованныхъ, съ ума сошедшихъ въ мукѣ и погибшихъ въ послѣднемъ позорѣ, всѣхъ, кто, начиная съ 1825 года и до сегодняшняго дня, вставалъ за Правду и Волю. Наша юная свобода принадлежитъ имъ и намъ равно. Высокій духъ мучениковъ живетъ въ ней. Малѣйшая измѣна ему была бы измѣной правдѣ, волѣ и землѣ.

Уже съ вечера 14-го начались аресты. (Не забудемъ, что и первый арестъ на югѣ, Пестеля, произошелъ 14-го декабря). Едва отгремѣли пушки, разстрѣливавшія Пе-

тербургъ (ядра залетали далеко за Неву), какъ полицейскіе уже хватали, арестовывали и всѣхъ везли во дворецъ, прямо къ Николаю. Цѣлую ночь онъ сидѣлъ и жадно принималъ, встрѣчалъ схваченныхъ мятежниковъ. «Изъ дворца сдѣлали съѣзжую»,—какъ опредѣлилъ одинъ очевидецъ.

Надо сказать, что Николай I былъ существомъ совершенно исключительнымъ. Существомъ,—потому что человѣкомъ назвать его врядъ ли можно. Чѣмъ болѣе слѣдишь за нимъ, за его жизнью вездѣ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе удивляешься. Нельзя уловить въ немъ ни одной человѣческой черты. Объ его отношеніи къ Россіи не стоитъ говорить, оно достаточно опредѣляется его девизомъ: «пусть погибнетъ Россія, лишь бы сохранилась неограниченная власть!» Но даже въ самыхъ простыхъ положеніяхъ, въ кругу собственной семьи, съ матерью, съ дѣтьми,—онъ какъ будто вовсе н е ч е л о в ѣ к ъ. Его нельзя сравнивать ни съ грубымъ и глубокимъ, по-своему, Іоанномъ Грознымъ, ни съ озлобленнымъ, помѣшаннымъ Павломъ I. Проклятое мѣсто,—самодержавный престолъ,—вообще имѣетъ свойство сводить людей съ ума, звѣрить ихъ. Но и безумный и озвѣрѣвшій царь все-таки остается безумнымъ ч е л о в ѣ к о м ъ. Николай же только имѣлъ видъ человѣка. Притворялся человѣкомъ. Точно хитро устроенный автоматъ, а внутри сидитъ и управляетъ дьяволъ. Николай не скупился на самыя возвышенныя слова: Провидѣніе, Богъ, Промыслъ, святость не сходили у него съ языка; скрытый въ немъ дьяволъ любилъ это, потому что сказанныя Николаемъ слова̀ звучали особенно богохульно.

Всѣ душащія, давящія, крушащія движенія и дѣйствія этого Автомата I—были деревянныя, машинныя, не настоящія, какъ бываетъ, когда мертвое притворяется живымъ.

Хозяинъ, управлявшій своимъ автоматомъ, не могъ диктовать ему положительныхъ человѣческихъ дѣйствій. Николай былъ похожъ на человѣка, но на человѣка-звѣря, труса, предателя, лгуна и мстителя; мѣсто же, которое онъ занималъ, давало всѣмъ его поступкамъ такую силу и широту, что въ моряхъ лжи, звѣрства и предательства гибли не десятки, а тысячи людей.

«Въ эту ночь (съ 14-го на 15-е декабря) и въ послѣдующее время Николай Павловичъ выказалъ,—по словамъ одного историка,—что онъ обладаетъ недюжинными способностями тюремщика. Онъ былъ для декабристовъ не только первымъ слѣдователемъ, но предусмотрительнымъ тюремщикомъ - виртуозомъ». Собственноручными записками коменданту Петропавловской крѣпости Сукину онъ указывалъ, какъ, кого, въ какихъ «желѣзахъ» держать, кого когда къ нему присылать для допроса.

Допросы эти неслыханны. Длительный, обдуманный процессъ физической пытки въ крѣпости смѣнялся процессомъ пытки духовной на допросахъ. Царь издѣвался, кричалъ, ругался неприличными словами передъ однимъ арестованнымъ, другого обнималъ (наединѣ), ободрялъ, обѣщалъ милосердіе и прощеніе, если покается и все, въ мелочахъ, разскажетъ про другихъ. Одному, до истерики доведенному, утиралъ глаза своимъ платкомъ и даже подарилъ этотъ платокъ на память. Но мгновенно мѣнялъ тактику, если она не давала результатовъ, тутъ же кричалъ, грозилъ и оскорблялъ обласканнаго.

Неутомимъ былъ, допрашивая. Когда поручалъ допросъ генераламъ, слушалъ, спрятавшись за ширмы. Требованіемъ письменныхъ показаній прямо душили арестованныхъ. Все написанное направлялось въ руки царю.

Съ отрекшимся братомъ Константиномъ онъ въ эти ночи, дни и недѣли обмѣнивался «душевными» письмами. Николай расписывалъ, какъ онъ страдаетъ, что грозило Россіи и трону, и какъ Богъ его спасъ. Для возста-

вшихъ,—для его плѣнниковъ,—у него, да и у брата, нѣтъ другого названья, кромѣ «каналій» и «сволочи». Во всенародномъ манифестѣ о «подавленіи мятежа» и о назначеніи торжественнаго благодарственнаго молебствія на Сенатской площади («ради очищенія сего мѣста») декабристы именуются еще «горстью извергов».

Была «Высочайше» назначена слѣдственная комиссія и Верховный Уголовный Судъ. Въ судъ этотъ, кромѣ «избранныхъ» генераловъ и своего брата Михаила, Николай посадилъ еще нѣсколькихъ высшихъ іерарховъ изъ Синода.

Слѣдствіе, допросы и судъ продолжались, при самомъ жадномъ участіи Николая, до іюля мѣсяца 1826 года. Не всѣ ихъ выдержали до конца. Декабристъ Булатовъ, послѣ одного личнаго допроса разбилъ себѣ голову о стѣну въ равелинѣ. «Отъ раскаянія», — донесли вѣрные слуги царя. Доживших до приговора «преступниковъ» было 121 человѣкъ. Все офицеры. (Какъ было поступлено съ солдатами—мы знаемъ). Судьи вѣдали, чего отъ нихъ хочетъ государь. Сдѣлали осужденнымъ подробнѣйшую опись по реестрамъ и приговоръ постановили съ тѣмъ расчетомъ, чтобы государю было гдѣ, не умѣряя своихъ желаній, проявить «монаршую милость» и «милосердіе».

Приговоръ былъ такой: Пестеля, Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго — четвертовать. Преступниковъ второго разряда — обезглавить. Остальныхъ, ошельмовавъ и проведя подъ висѣлицей, сослать на вѣчныя времена въ каторгу. «Смиренные» члены Святѣйшаго Синода заявили письменно: «согласуемся, что преступники достойны жесточайшей казни, а слѣдовательно, какая будетъ сентенція,— отъ оной не отрицаемся, но, поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ».

Эту увертливость и лицемѣріе перещеголялъ Николай. Подробнѣйшимъ образомъ разобралъ приговоръ, разряды, каждымъ «преступникомъ» занялся внимательно, приговореннымъ къ обезглавленію замѣнилъ казнь вѣчной каторгой, и соотвѣтственно, чуть-чуть, «смягчилъ» наказаніе нѣкоторымъ, «согласуясь съ чувствами милосердія». О первыхъ же пятерыхъ, которыхъ судъ съ готовностью предлагалъ четвертовать, сказалъ въ концѣ указа: ихъ «п р е д а ю рѣшенію Верховнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ Судѣ состоится».

Судьи разсудили мудро. Съ одной стороны, надо было принять во вниманіе «монаршее милосердіе» и то, что монархъ «обезглавленія» не утвердилъ (казнь была отмѣнена въ Россіи еще при Елизаветѣ). Съ другой стороны судьи не сомнѣвались, что царь жаждетъ достойнаго воздаянія «злодѣямъ». А тутъ еще извѣстно было, что онъ оговорился: «только безъ пролитія крови».

Суду какъ бы подсказывалось рѣшеніе: казнь безъ крови, но съ позоромъ: повѣшеніе.

Этимъ все достигалось. Даже то, что нѣкоторымъ изъ приговоренныхъ, Рылѣеву, напримѣръ, Николай на личныхъ допросахъ неоднократно давалъ «честное слово», что жизни его не лишитъ. Рылѣевъ до послѣдняго дня вѣрилъ «честному слову» царя. Не оттого, что особенно держался за жизнь, боялся смерти или что-нибудь продалъ Николаю за это слово. Но просто оттого, что органически не понималъ ни лжи, ни измѣны, ни самого Николая, этой страшной машины-автомата, управляемаго дьяволомъ.

Да вѣдь слово и н е б ы л о нарушено! Царь только п р е д а л ъ декабристовъ на повѣшеніе, не самъ «лишилъ жизни».

Въ ночь на 13-е іюля 1826 года на пустырѣ кронверкскаго вала въ Петропавловской крѣпости были построены

два эшафота, одинъ для шельмованія, другой для вѣшанія, съ опускающимся поломъ. Висѣлицу строили долго, неумѣло, «по неопытности палачей». Пока строили, дѣлали пробы, пока «самъ Беркопфъ *) училъ дѣйствовать непривычныхъ палачей, сдѣлавъ образцовыя петли и намазавъ ихъ саломъ, дабы онѣ плотнѣе стягивались», уже взошло лѣтнее солнце.

Толпу осужденныхъ вывели изъ казематовъ. Приговоренные къ смерти шли отдѣльно, въ тяжкихъ кандалахъ. Пока тянулась долгая процедура «шельмованія» и проведенія подъ висѣлицей 96 каторжныхъ, обреченные петлѣ сидѣли передъ эшафотомъ на травѣ.

Протоіерей Казанскаго собора Мысловскій, человѣкъ весьма мягкосердечный, былъ очень разстроенъ, провожая «преступниковъ» на казнь. Плакалъ, говорилъ, что «надо молиться, чтобы Господь смягчилъ сердце царя...» А впрочемъ, зналъ, что молиться уже поздно: Николая и въ Петербургѣ не было.

Наконецъ каторжниковъ увели, насталъ чередъ осужденныхъ. Вотъ разсказъ простого человѣка, полицейскаго по наряду, о томъ, что было дальше:

«...Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, только серьезны, точно какъ обдумывали важное дѣло... Приготовлялись вѣдь къ смерти. Взглянули они послѣдній разъ на небо, да такъ взглянули, что у насъ вся внутренность перевернулась... Ты, вотъ, не поймешь этого, что это такое было, а я разсказать не могу... Ну, какъ я разскажу?.. Мѣшки имъ не понравились. Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: «Господи! Къ чему это?..» Когда все было готово, на шеи преступниковъ надѣли петли, и помостъ, на которомъ они стояли, опустился изъ-подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли,

*) Начальникъ кронверка въ Петропавловской крѣпости.

и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались. Веревки лопнули... Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскій.

«Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь. Вѣдь упали-то съ размаха.

«Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается: «что это такое?»

«У Рылѣева мѣшокъ упалъ, и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ. Онъ сидѣлъ, скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Сказалъ: «Какое несчастье!»

«— Вѣшать его, вѣшать скорѣе»! — кричитъ Кутузовъ. И, Боже ты мой, сталъ тутъ кричать и ругаться. Подняли опять помостъ и опять накинули петли. Въ это время, когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскій достали до него ногами. Пестель былъ еще живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно-быть, отъ ушиба и боли. Ихъ повѣсили опять. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина.

«За рвомъ народъ зашумѣлъ что-то. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть. Музыка была Павловскаго полка, играла простые марши и разныя штуки.

«Гдѣ они похоронены, неизвѣстно. Говорятъ, что тѣла съ гирями спустили въ море на островѣ Голодай».

Такъ свершилось. Николаю не удалось стряхнуть съ себя ни одной капли крови: кровь Рылѣева пролилась.

Разбитые, расшибленные, дважды повѣшенные, съ геройскимъ мужествомъ встрѣчавшіе смерть, эти первомученики свободы должны были еще и послѣ смерти перенести одинъ плевокъ: «Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи держали себя такъ же подло, какъ и вначалѣ»,—пишетъ Дибичъ Николаю въ донесеніи о

казни. На что Николай отвѣчаетъ: «Благодарю Бога, что все окончилось благополучно»... и прибавляетъ съ ироніей: «я былъ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, чѣмъ нужно».

Николаю I и самоличное, повторное, вѣшанье героевъ не помѣшало бы остаться при своемъ мнѣніи и не измѣнило бы его. Другое дѣло живые, настоящіе живые люди. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ нихъ:

«Зрѣлище это на близко-присутствующихъ имѣло сильное вліяніе: архитекторъ Герней умеръ черезъ мѣсяцъ, Постниковъ страдалъ болѣе года и умеръ; онъ всегда говорилъ, что это было причиной его болѣзни. А я...—онъ заплакалъ и прибавилъ:—много времени прошло съ тѣхъ поръ, но ни разу не могу вспомнить безъ слезъ объ этихъ несчастныхъ».

Были ли они несчастнѣе своихъ друзей, только ошельмованныхъ и потомъ «помилованныхъ» каторжниковъ? Вѣдь и два раза повѣшенные скорѣе окончили смертную муку, чѣмъ тѣ, для которыхъ эта мука длилась многія десятилѣтія. Въ тяжелыхъ кандалахъ, въ казематахъ безъ оконъ, въ гробу тогдашней Сибири искупала свою вину передъ самодержцемъ эта «горсть извергов», эта сотня первыхъ героевъ народныхъ. Широкую дорогу проторили они въ каторгу. И потекли туда съ тѣхъ поръ рѣкой лучшіе люди Россіи, поколѣніе за поколѣніемъ, сыновья и внуки первенцевъ свободы,—офицеровъ русской арміи. Пусть же не забываетъ сегодняшняя побѣдная армія, сегодняшній свободный народъ святыхъ начинателей Великой Русской Революціи. Кровь погибшихъ за правду и волю нашей земли — кровь красныхъ знаменъ, широко развѣвающихся сегодня въ Россіи. Ихъ несутъ сильныя руки побѣдителей. Но всѣ, стоявшіе за правое дѣло революціи, нынѣ побѣдители. Слава первымъ, слава послѣднимъ, **слава побѣдителямъ!**

